
В.Ю. Даренский

**МАССОВЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ:
НЕОБХОДИМОСТЬ ОСМЫСЛЕНИЯ**

Даренский Виталий Юрьевич – кандидат философских наук,
доцент Луганского государственного университета им. В. Даля.

Феномен радикального национализма, фактически пришедшего к власти в современной Украине, представляет собой актуальный предмет социально-психологического и теоретического исследования. В первую очередь требуют анализа и поиска причин две главные особенности современного радикального украинского национализма.

Во-первых, он давно уже не является маргинальным явлением, как это имеет место в Европе. Он стал *массовым* явлением, охватившим как минимум половину населения Украины, абсолютно доминирует ныне в украинской политике, путем жестоких репрессий подавив всех своих оппонентов. В этом отношении украинский национализм является экстраординарным явлением для современной Европы и ныне имеет некоторые аналоги лишь в ряде стран Африки и Азии.

Во-вторых, современный украинский национализм сознательно декларирует свою преемственность по отношению к украинским нацистам 1930–1940-х годов, участвовавших в войне с СССР на стороне гитлеровской Германии (в частности, активно участвовавших в геноциде советских военнопленных и евреев, а также по собственной инициативе устроивших геноцид поляков). Кроме этого по ряду идеологических признаков, о которых будет сказано далее, современный украинский радикальный национализм имеет много общего и с *идеологией классического нацизма* 1930–1940-х годов.

Как отмечает Ю. Бялый, в российском обществе царит «определенное недоумение: откуда взялась эта преисполненная ненависти к “москалям” и “омоскаленным” дьявольская сила, которая уже несколько месяцев “панует” на Украине? Между тем идеи, которые пропитывают эту силу, уже почти столетие инфизируют украинскую народную толщу. Эти идеи создали бан-

деровский нацизм и его военно-политическое воплощение в 30–40-х годах XX века... И эти же идеи в постсоветское время вышли на идеологический и политический простор... и создали предпосылки для попытки бандеровского реванша... Имя этим идеям – украинский нацизм» [2].

В недавних публикациях В.Н. Бабенко и Ю.И. Игрицкого по актуальной украинской тематике [1; 8] основное внимание было обращено на социально-исторические, политические и правовые аспекты гражданской войны на Украине. Не менее актуально и исследование ее ментальных, идеологических предпосылок, возникших на Украине в период с 1991 г., внутренние психологические мотивы обращения людей к идеологии украинского национализма как особому «состоянию души», более всего похожему на состояние души человека, вовлеченного в тоталитарную секту.

Чем порождаются такие странности массового сознания, вследствие которых оно в ряде случаев опускается до откровенного неонацизма? В классическом исследовании В. Райха возникновение германского нацизма объясняется его функцией компенсатора болезненных комплексов массового сознания: «Ясно, что фашизм – это не дело рук какого-нибудь Гитлера или Муссолини, а выражение иррациональной структуры массового человека... склонность к идентификации составляет психологическую основу национального нарциссизма, т.е. уверенности отдельного человека в себе, которая ассоциируется с “величием нации”. Мелкобуржуазный индивид ощущает себя в фюрере, в авторитарном государстве. Благодаря такой идентификации он ощущает себя защитником “национального наследия” и “нации”. Это ощущение не позволяет ему презирать “массы” и противопоставлять себя им в качестве индивидуума» [10, с. 10]. Все эти психологические черты очень четко прослеживаются в современном украинском национализме, особенно в его идеологических манифестациях. Эти черты могут как смягчаться на уровне индивидуального общения, так и наоборот, радикализироваться в формах массовой агрессии, как это имело место на «майдане», в событиях в Одессе 2014 г. и др.

В ходе анализа социальных процессов в постсоветском обществе Л.Я. Гозман сформулировал одну из ключевых проблем следующим образом: «Интерес, однако, представляет не столько насилие, исходящее от власти, сколько насилие, осуществляемое самими гражданами, точнее – внутренняя готовность к осуществлению насилия»; «терпимость к насилию, фактический отказ от традиционных моральных норм определяются, помимо прочего, еще и ощущением переходности нынешнего периода... постоянные разговоры о том, что наш сегодняшний день – это лишь переход от одного типа социального устройства к другому... что это состояние сугубо временное, преходящее, делает следование социальным нормам необязательным... Экстремальность, временность обстоятельств “списывает” и ложь, и жесто-

кость» [3]. Очевидно, что именно эта закономерность и была использована теми политическими силами на Украине, которые уже с 1991 г. усиленно пропагандировали идеологию радикального национализма, добившись в конце концов ее широкого внедрения в массовое сознание.

Известные киевские социологи Е. Донченко и А. Овчаров еще в 1999 г. в работе «Адаптационный невроз социума как следствие управленческого кризиса» констатировали наличие тяжелого социально-психологического невроза, свойственного массовому сознанию населения Украины. Они писали: «На примере современной Украины мы видим, как Разум, отбрасывающий человеческую мораль, великую религию и малые традиции, превращается в Безумие... Если политика времен социальных кризисов в психологическом аспекте традиционно выступает реальным средством использования иррациональности масс, то политика в Украине стала одновременно и иррациональным средством потенциального саморазрушения и самоуничтожения». Вследствие этого доминантами массового сознания становятся эгоцентризм и комплекс неполноценности [6, с. 179]. В этой ситуации «даже простые задачи – не утратить свой социальный статус, избежать снижения самооценки, а вместе с этим не лишиться уверенности в своих силах, сохранить необходимый круг общения, так называемую микросреду, не растерять систему собственных ценностей – на этом этапе социальной инволюции выполнить просто невозможно. Массы выступают как рассредоточенная анонимная толпа, требующая вождя и лидера, без которого ничего не сделать и даже не выжить. Массы – это не сумма индивидов. Это – толпа... Характер толпы – эмоциональный и капризный, своевольный и легкомысленный – определяет основные ее черты: пассивность, внушаемость, подчиненность, нетерпимость, коварство, склонность к экстремизму и крайностям» [там же, с. 184].

В книге «Фашизм в Украине: угроза или реальность?» два известных украинских политика и публициста Г. Крючков и Д. Табачник «призывают читателя осознать эту угрозу и выступить на борьбу с ней, пока не стало слишком поздно... фашизм необходимо остановить в Украине именно сегодня, пока он не набрал силы и не разрушил страну». «Вся майданная политика – это калька оккупационной не только по содержанию, но и по форме. Только слабость режима пока не дает поклонникам “Нахтигалья” и этнических чисток вновь во всю силу показать, что “наша власть должна быть страшной” (С. Бандера)» [9, с. 270]. Это было написано в 2008 г., а неофашистский госпереворот на втором «майдане» произошел в 2014 г., после чего лозунг С. Бандеры вполне воплотился в гражданской войне на Донбассе.

Авторы напоминают, что в период Великой Отечественной войны гитлеровцы, «оставившие в глубоком тылу незначительные силы, фактически выполняли роль надзирателей, а непосредственными исполнителями всех злодеяний были националисты, возводимые ныне на пьедестал национальных

героев. Из почти миллионного довоенного Киева в живых после освобождения осталось 183 тыс. человек, каждый третий киевлянин во время оккупации был убит... Подавляющее большинство жертв приходится на долю националистических коллаборационистов, не только рьяно выполнявших приказы гитлеровских хозяев, но и проявлявших незаурядную энергию и инициативу. Это было тогда ясно всем киевлянам, относившимся к коллаборационистам (в подавляющем большинстве своем приехавшим в обозах вермахта из Галиции) с ненавистью и презрением» [9, с. 271].

Это не удивительно. В период Великой Отечественной войны украинские нацисты-бандеровцы воевали вместе с гитлеровцами против СССР, и это был отнюдь не «временный союз» – это было именно *кровавое идеологическое единство двух разновидностей нацизма*. В украинском, бандеровском, нацизме есть все те же самые элементы, которые содержатся и в гитлеровском «Майн Кампф». Во-первых, *миф о расовом превосходстве* одной нации над другими и вывод о необходимости господства над ними (в том числе и занятия соответствующего «жизненного пространства»). Миф, который с 1991 г. усиленно пропагандируется в СМИ, в школах и вузах, состоит в том, что в отличие от украинцев как европейцев и древнейших из славян, россияне якобы – азиаты, наделенные «рабской психологией», и не славяне, а «смесь финно-угров и татар». И если в учебниках этот миф обычно выражается в наукообразной форме, то на уровне массового сознания он всегда приобретает агрессивно-оскорбительный характер, направленный на дискредитацию и отторжение всего российского. Выводом из этого мифа является тезис о необходимости «украинизации» той части населения Украины, которое является носителем русского языка и российских культурно-исторических традиций. Это население маркируется сознательно унижительной кличкой «совка» и de facto рассматривается как неполноценное, подлежащее перевоспитанию. Иногда по отношению к нему прямо используется классическое нацистское выражение «недочеловеки» – в том числе публичными политиками. Его употребил, например, по отношению к противникам «евромайдана» тогдашний премьер-министр А. Яценюк в своем выступлении в США¹. Оно подразумевает не только тотальное господство украинской идеологии, но, как показали события 2014 г., и физическое уничтожение оппонентов. Причем речь идет не только о боевых действиях на Донбассе, но и о «пропаже без вести» тысяч людей, имевших «пророссийские взгляды». Убийство лучшего публициста Украины О. Бузины неонацистами «Правого сектора» (запре-

1. В английском тексте заявления было использовано слово «subhuman», по сути являющееся калькой с использованного немецкими нацистами слова «untermensch» – «недочеловек». Позднее в английском тексте слово «subhuman» было заменено на «inhuman» («нелюдь») // URL <http://vz.ru/news/2014/6/16/691357.html>

щенной в России террористической организации) – это лишь «вершина айсберга». Сущностный признак неонацизма – стремление к полному господству одной нации над другими, вплоть до физического уничтожения несогласных – уже присутствует в современной Украине.

Во-вторых, это *психология завоевателей и угнетателей*. Подобно тому, как А. Гитлер намеревался заселить европейскую часть СССР «полноценными арийцами», так и идейные украинцы мечтают о так называемой «украинской Украине», т.е. о том, чтобы все население без исключения заговорило на официальном, искусственно сконструированном украинском языке и уверовало в эту нацистскую идеологию. Все остальные официально объявляются «врагами украинского народа» и «пятой колонной Москвы». При этом создается лицемерный миф о якобы «вековом угнетении» со стороны России – но именно для того, чтобы замаскировать собственное стремление к угнетению и насильственной «украинизации». А если учесть, что русскоязычные составляют как минимум половину населения Украины, то ситуация становится совершенно абсурдной – ведь «неправильной» и подлежащей «перевоспитанию» оказывается половина (!) граждан страны. И эти *колонизаторские* планы активно воплощаются в жизнь, начиная уже с 1991 г. – в виде навязывания этой идеологии через систему образования и СМИ. Скандальный факт: Украина ныне является единственной страной в мире, где язык половины населения не является государственным или хотя бы официальным! Таких стран, кроме Украины, сейчас вообще не существует нигде.

Не менее скандален и тот факт, что украинская власть всегда принципиально отказывалась даже рассматривать идею федеративного устройства государства, которое было бы более чем естественным для страны со столь разными регионами. А в настоящее время такая идея фактически приравнивается к «сепаратизму» и государственной измене – и за публичную поддержку идеи федерализации можно получить соответствующую уголовную статью. Но принятие конституции с признанием ЛНР и ДНР частями федеративной Украины фактически предусматривается Минскими соглашениями, поскольку именно это является единственной возможностью завершения гражданской войны. Однако из-за массовых выступлений и угроз неонацистов Верховная рада не может принять даже самый скромный закон об особом статусе Донбасса, предусмотренный этими соглашениями, не говоря уже о пересмотре конституции.

Столь злобное неприятие идеи федеративной Украины свидетельствует о том, что «идейное украинство» всегда рассматривали русскоязычные регионы (а это около половины территории страны – от Харькова до Одессы) фактически как бесправную колонию «правильной», украиноязычной Украины, и поэтому они лишь подлежали насильственной «украинизации», и не имели никакого права на защиту своих прав в сфере языка и идентичности.

А в период гражданской войны такое отношение приобрело самые вопиющие формы: население этих регионов систематически оскорбляется уже на официальном уровне и рассматривается в качестве неполноценного. Среди бойцов украинских «добровольческих батальонов», состоящих в основном из убежденных неонацистов, очень популярны не только знаки свастики и эсэсовские руны, но и нашивки на рукаве с надписью «Рабовласник», т.е. «Рабовладелец». Они ярко отражают их отношение к местному населению.

Наиболее авторитетный среди современных украинских националистов и неонацистов идеолог, создатель «интегрального национализма» Д. Донцов, нисколько не стесняясь, требовал от «идейных украинцев» двух главных качеств – *фанатизма* и *аморальности*. Он подчеркивал, что «национальная идея должна была быть аморальной», а реализовать ее должен фанатик, который «считает свою правду единственной, общей, обязательной для других. Отсюда его агрессивность и нетерпимость к иным взглядам»; специфически «украинский» «аморализм предполагает, по Д. Донцову, что носители национальной идеи должны подняться над мещанской, обиденной моралью, к ним нужно подходить с иными моральными мерками. Их мораль предполагает ненависть к врагу, даже если он не сделал им ничего плохого, ненависть к “добрым людям”, которые “добры”, так как недостаточно сильны, чтобы стать злыми» [5, с. 286]; потому, что, как он утверждал, «живут и господствуют только расы, которые не знают сомнений, которые не задумываются над правом на собственное существование за счет слабых» [5, с. 297].

Эта человеконенавистническая идеология имела глубокие исторические корни. Н.И. Ульянов в своем классическом труде «Происхождение украинского сепаратизма» приводит цитату из журнала «Українська Хата» за 1912 г. (он издавался в Галиции и нелегально переправлялся в Россию): «Если у нас идет речь об Украине, то мы должны оперировать одним словом – ненависть к ее врагам... Возрождение Украины синоним ненависти к своей жене московке, к своим детям кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своему отцу и матери кацапам. Любить Украину – значит пожертвовать кацапской родней» [13, с. 148]. Такова изначальная суть той особой формы «идейного украинства», которая сейчас на Украине фактически стала государственной идеологией и «единственно правильной точкой зрения».

Людей, попавших под влияние этой идеологии, можно понять. Ведь после 1991 г. население Украины живет в состоянии лишь постоянной разрухи и разочарования. На Украине, в отличие от России, так и не началось возрождение государства и народа – наоборот, разруха все усиливается. И поэтому люди тянутся к такой идеологии, которая, с одной стороны, в качестве «компенсации» создает им иллюзию собственного «величия», а с другой – создает и «образ врага», на которого можно свалить все беды. Одновременно русофобская идеология позволяет замаскировать зависть населения Украины

к успехам возрождающейся России. В украинских СМИ какой-либо позитивной информации о России не было даже во времена В. Януковича, не говоря уже о нынешних. Здесь всегда полностью господствовала русофобия, в настоящее время достигнув крайней степени.

В 2014 г. в полной мере проявился и такой важнейший признак неонацизма, как милитаризация и война за «жизненное пространство на востоке». В ответ на симметричные по отношению к киевскому «евромайдану» действия – захват административных зданий в некоторых городах Донбасса – киевская власть начала боевые действия против населения, которые со временем переросли в обычную войну регионального масштаба. Характерно, что требования протестующих на Донбассе были намного более скромными, чем киевского «майдана» – вовсе не полная смена власти, а всего лишь федерализация страны. Страх киевских властей перед федерализацией – совершенно абсурдный с точки зрения мирового опыта, поскольку почти все самые развитые страны мира являются именно федерациями, – легко объясняется их националистическим мышлением. Ведь федерализация Украины делает невозможной реализацию проекта радикального национализма и защищает права русскоязычной половины населения страны.

В современной Украине в полной мере проявился, пусть и в завуалированной форме, еще один атрибутивный признак неонацизма – господство одной-единственной партии. Хотя формально в стране существуют десятки партий, и парламент также многопартийный, в реальности – все это лишь внешняя видимость, поскольку реальной возможности политического выражения альтернативных идеологических позиций в настоящее время не существует. Все они уже заранее объявлены якобы «антиукраинскими» и «антигосударственными», их представители подвергаются преследованиям, а иногда и физическому уничтожению. Во время президентских и парламентских выборов на Украине 2014 г. все попытки политической деятельности «антимайданных» кандидатов в президенты и депутаты парламента полностью блокировались организованными группами неонацистов. Эти кандидаты и их доверенные лица подвергались нападениям и избиениям даже в городах южной и восточной Украины, а в западную и центральную их вообще не пускали местные власти. Поэтому ни о какой «свободе выборов» на Украине в 2014 г. не может быть и речи, а значит, по международным правилам, существующая ныне в Украине власть не может считаться легитимной. Явка на этих выборах оказалась самой низкой за всю историю Украины – русскоязычная часть страны, не видя никакого реального выбора, массово игнорировала их. Все-таки в парламент попало некоторое количество оппозиционных депутатов, но они там подвергаются постоянной агрессии и оскорблениям, прямо именуется «внутренними врагами» и «пособниками врага» (имеется в виду, естественно, Россия). То обстоятельство, что эти

депутаты выбраны населением, а следовательно, «врагами», следовало бы объявить и значительную часть граждан страны, «обвинителям» даже не приходится в голову. Эти факты – яркое выражение тоталитарного сознания, свойственного остальной части парламента. Фактически остается одна радикально-националистическая «партия власти», а ее формальное разделение на несколько разных «партий» связано лишь с различием источников финансирования разных конкурирующих «фюреров».

Стоит отметить, что и в предшествующем составе парламента, где была коалиция, созданная вокруг «Партии регионов», а националисты были еще в меньшинстве, имела место та же ситуация. Это меньшинство именовало правящую коалицию «антиукраинской» и «антигосударственной», совершенно игнорируя тот факт, что она избрана большинством населения страны. Это и не удивительно: с точки зрения неонацистской «логики», большая половина населения должна считаться «врагами», если она не разделяет их идеологии. При этом сами себя неонацисты именовали «демократической оппозицией».

Это весьма характерно: люди, исповедующие неонацистскую идеологию и имеющие ярко выраженный тоталитарный тип сознания с его нетерпимостью и неспособностью к саморефлексии и диалогу с оппонентами, одновременно объявляют себя «приверженцами европейских ценностей» (правда, не умея объяснить, что это такое, и ограничиваясь лишь парой стандартных фраз о «правах личности», которые они сами принципиально игнорируют по отношению к оппонентам). Такая алогичность массового сознания особо ярко проявилась и во время так называемого «евромайдана», в результате которого неонацисты пришли к власти в 2014 г. Выступая под лозунгами «достоинства», «евромайдан» игнорировал тот факт, что ассоциация с ЕС полностью лишает самостоятельности экономику Украины, окончательно превращая ее в колониальный сырьевой придаток. Выступая «против олигархов», «евромайдан» напрямую финансировался самими олигархами, а затем привел к власти президента-олигарха – все это уже самые откровенные проявления массового «раздвоения сознания». Каковы его причины?

Они отчасти были объяснены на аналогичном материале Прибалтики. Так, А. Усманова отмечает, что «негативное отношение в современной Литве к советскому прошлому следует рассматривать не столько в контексте доминирующей интерпретативной схемы (советское время – период оккупации), сколько с точки зрения нерационализируемого отторжения советского опыта как опыта модернизации и радикальной смены всего уклада жизни. Оттого ностальгия по Золотому веку в истории независимости Литвы – это в первую очередь реминисценции о патриархальной аграрной культуре и ее ценностям... С другой стороны... именно в советское время сложились условия для вызревания национальной идентичности современной урбанизированной Литвы» [14].

Тем самым рецидивы радикального национализма как в Прибалтике, так и на Украине – это не что иное, как подсознательная тоска по патриархальной культуре и ее «племенным» ценностям. Этим и объясняется возможность логически абсурдного соединения фактического неонацизма с декларативной приверженностью «европейским ценностям»: это возможно потому, что и то, и другое является способом отторжения советского и «имперского» прошлого.

Построить идентичность из обломков родового сознания, с одной стороны, и из поверхностно-эпигонского усвоения элементов европейской культуры – с другой, совершенно невозможно. Национальная идентичность создается только реальным опытом Модерна. А этот опыт был у украинцев – исключительно общерусский и общесоветский. Все реальные культурные и исторические достижения самого южнорусского этноса, именуемого ныне украинцами, были именно в общерусском и советском прошлом, а период независимости не принес ничего, кроме тотальной деградации.

На первый взгляд, парадоксальны оказавшиеся пророческими размышления Достоевского: «По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит... Начнут они непременно с того, что... убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшей благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись... я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению»; при этом эти народы будут «трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации» [7, с. 373–375].

Реальная идентичность населения Украины *de facto* является локальным вариантом постсоветской идентичности, почти не отличающейся от культурной идентичности россиян. Поэтому сознательная попытка выстроить *другую* идентичность неизбежно сводится к стремлению *разрушить* свою *реальную* идентичность. Возникает особый культурно-исторический *невроз симулятивной идентичности* – и именно отсюда тот эгоцентризм и комплекс неполноценности как доминанты массового сознания, о которых писали киевские социологи. На этой глубинной, психологической почве формируется тот тип «идейного украинца», которому, по классической характеристике Н.С. Трубецкого, всегда свойственны «печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности... дух постоянной подо-

зрительности, вечного страха перед конкуренцией» [12, с. 373]. Общаясь с «идейными украинцами», каждый раз ужасаешься, в какую «экзистенциальную яму», в какую культурную и психологическую резервацию они сами себя загоняют. Их обычным состоянием является поза вечной обиженности, ощущение постоянной окруженности врагами и предателями, сочетающаяся с особой злобой, надменностью и агрессивностью по отношению к инакомыслящим, на которых навешивается ярлык «манкуртов», «янычар», «бандитов», «пятой колонны» и т.д.

Эта неспособность видеть Другого, замкнутый монолизм сознания – признак архаичности сознания, не прошедшего Модерн и продолжающего воспринимать социальную общность по архаической модели «свое» (хорошее) – «чужое» (плохое, враждебное). Поскольку понятие «свое» переносится на все население Украины, полностью игнорируя его культурно-мировоззренческую неоднородность, то возникает, по сути, тоталитарная установка – требование унификации взглядов всего населения на происходящие события и навязывания всем своей собственной «идентичности». Те, кто не хочет подчиняться тоталитарной установке на унификацию взглядов, автоматически квалифицируются как «враги Украины». Этот рецидив классического тоталитарного сознания несколько уравновешивается наличием неофициального уровня общения людей, выражающих свои взгляды в кругу единомышленников, но делать это на публичном уровне они не имеют возможности.

Публицисту Вяч. Липинскому, искавшему причины неудачи украинского самостийничества в период Гражданской войны 1917–1929 гг., принадлежит термин «государство-разрушительный национализм». Он отмечал, что «характерной особенностью украинского этнонационализма является желание прислуживать внешним силам для получения поддержки в подавлении сопротивления внутри страны» [цит. по: 9, с. 387]. Этот, по его выражению, «украинский шовинизм для лавочников» «всегда будет представлен озлобленными и эгоистическими типами, которые своей бессильной злобой все творческое, жизнеспособное на Украине от Украины будут отгонять» [там же]. «Увы, – писали еще в 2008 г. Г.К. Крючков и Д.В. Табачник, – именно подобные типы вновь у руля высшей государственной власти делают все возможное для провоцирования гражданского противостояния, разжигания межнациональной и межрелигиозной вражды. Вновь они опираются на зарубежных хозяев, заинтересованных в создании антироссийского плацдарма» [9, с. 387–388]. С тех пор ситуация усугубилась. В наше время уже многие адепты радикального украинского национализма – это русскоязычные, немалое число которых даже не умеют говорить на официально принятом украинском языке.

Наблюдавший за событиями 1918–1920 гг. академик Н.К. Гудзий сделал такой вывод: «Самостийники и количественно и качественно... незначительны

и вербовались они или среди галичан, или среди тех, кто на всякой политической идеологии способен был делать себе карьеру... Для кого большая духовная культура России была пустым звуком, о тех можно сказать, что за душой ничего у них не было и, отказываясь от России, им терять было нечего» [4, с. 186]. В свою очередь, Н.И. Ульянов в своем исследовании отмечал «самую “интимную” тайну украинского сепаратизма, отличающую его от всех других подобных явлений – его искусственность, выдуманность... До прихода к власти большевиков он только драпировался в национальную тогу, а на самом деле был авантюрой, заговором кучки маньяков. Не имея за собой и одного процента населения и интеллигенции страны, он выдвигал программу отмежевания от русской культуры, вразрез со всеобщим желанием. Не будучи народен, шел не на гребне волны массового движения, а путем интриги и союза со всеми антидемократическими силами, будь то русский большевизм или австро-польский либо германский нацизм» [13, с. 217].

Аналогичное явление наблюдалось и в период распада СССР, когда республиканские партноменклатуры «приватизировали» свои республики под видом создания «независимых» государств. Это произошло и на Украине, почти без какого-либо сопротивления русскоязычных граждан, составляющих около половины населения. Как отмечает С.Н. Сидоренко, «количественно ничтожная часть нынешних граждан Украины, – включающая население трех областей Галиции и кучку “национально свидомых” киевских “интеллектуалов”, – которая имела хоть и примитивную, но собственную идеологию, состоящую из самохвальства и завистливой враждебности ко всему русскому – легко смогла подчинить себе всю эту огромную пустоту, наполнив ее своей идеологией» [11, с. 247]. Для принятия этой идеологии вовсе не нужно подлинных знаний и убеждений, нужно лишь бессмысленное повторение нескольких мифов, тешащих самолюбие. В этом отношении современный массовый украинский национализм явно опирается на некоторые стереотипы советской идеологии, например на культ «светлого будущего», которым теперь является уже не коммунизм, а «европейский выбор». Утопическая суть того и другого одинакова.

Итак, причины массового распространения украинского национализма состоят в том, что он служит: 1) мощным психологическим компенсатором социокультурной деградации общества; 2) психологическим компенсатором неосознаваемого чувства исторической вины – предательства своей подлинной общерусской и советской идентичности, отказа от подлинной исторической памяти и большой культурной традиции; 3) заполнением массового сознания ощущением иллюзорного «величия».

Литература

1. Бабенко В.Н. Украина в паутине национализма: Политические и правовые последствия // Россия и современный мир. – 2014. – № 2 (83). – С. 211–221.
2. Бялый Ю. К чему стадам дары свободы... // Электронный ресурс. URL: <http://ss69100.livejournal.com/1587301.html>
3. Гозман Л.Я. Психология перехода // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 173–186.
4. Гудзий Н.К. Конец украинской самостийности // Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): Поиски и находки источниковеда. – Симферополь: «ЧерноморПРЕСС», 2006. – С. 184–189.
5. Донцов Д. Націоналізм. 3-е изд. – Лондон, 1966. – 412 с.
6. Донченко Е., Овчаров А. Адаптационный невроз социума как следствие управленческого кризиса // Социология: Теория, методы, маркетинг. – 1999. – № 1. – С. 173–190.
7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – СПб.: «Азбука-классика», 2010. – 464 с.
8. Игрицкий Ю.И. Украина в огне // Россия и современный мир. – 2014. – № 3 (84). – С. 56–86.
9. Крючков Г.К., Табачник Д.В. Фашизм в Украине: Угроза или реальность? – Харьков: Фолио, 2008. – 414 с.
10. Райх В. Психология масс и фашизм. – М.: АСТ, Мидгард, 2004. – 544 с.
11. Сидоренко С.Н. Украина – Россия: Преодоление распада. – К.: МиП, 2006. – 354 с.
12. Трубецкой Н.С. К украинской проблеме // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М.: Наука, 1995. – С. 359–381.
13. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. – М.: Вагриус, 1996. – 236 с.
14. Усманова А. Негативная память о советском как травма модернизации, или О чем «молчит» литовское кино // Электронный ресурс. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1686>